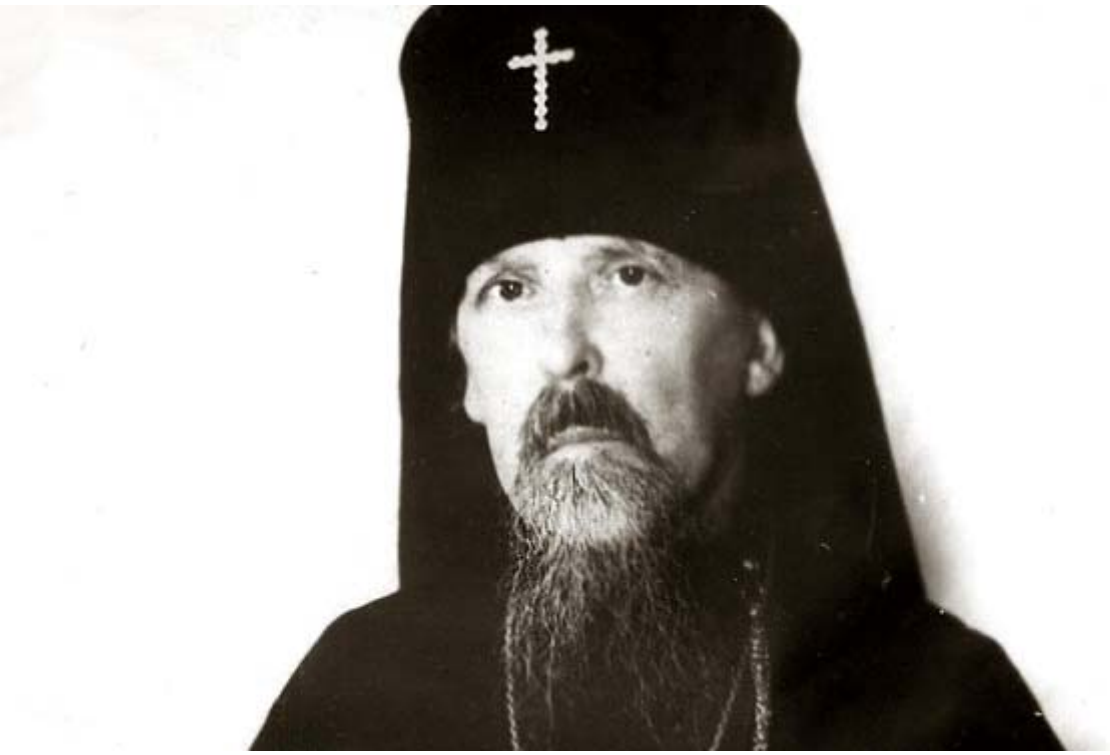
АРХИЕПИСКОП ИОАНН (БРАТОЛЮБОВ): «КУДА ПОЙДЁМ?»



В ту лихую годину, когда Русская Православная Церковь подвергалась гонениям, жизнь практически каждого честного епископа и священника в стране была самым настоящим подвигом. Более семидесяти лет, без малого целый век, власть в стране пыталась стереть из народного сознания сами понятия: «Бог», «Православие», «Церковь». На фоне этих испытаний жизнь православных священнослужителей стала подлинным примером веры, стойкости, терпения и смирения.

В глазах современников этот человек остался верным сторонником православия. И, несмотря ни на что, в любую, даже самую лютую пору, он не прекращал верить и молиться.

В истории жизни подвижника благочестия люди видели то, о чём сказано в Священном Писании. Истовая вера, отважное служение и непоколебимая уверенность в своем деле.

Он знал, что Господь не оставит своей милостью вверенную ему паству. Поэтому все прихожане так любили и почитали архиепископа Иоанна.

Ульяновские старожилы до сих пор иногда вспоминают этого странного, но запоминающегося человека. Мудрый и начитанный, многим он запомнился своим юродством, к которому был склонен с юных лет. Прозорливый и рассудительный, он не стеснялся говорить с окружающими о том, что их тревожило. Поэтому имя этого священнослужителя навсегда останется на страницах истории Симбирска-Ульяновска. Но далеко не все, кто видел и помнил его в нашем городе, знали о том, какая долгая и непростая судьба была у этого человека.

Со всех фотографий и портретов на нас смотрит умное, но неизменно печальное и худое лицо с высоким лбом и небольшой, окладистой бородкой. Таков был лик одного из самых истовых подвижников земли Симбирской.

Архиепископ Иоанн, в миру известный как Сергей Васильевич Братолюбов, родился в Казани 16 (28) июня 1882 года в семье протоиерея. Что примечательно, его путь служения, закончившийся в Ульяновске, был начат им здесь же, но еще в дореволюционном Симбирске. По окончании Казанской духовной академии, еще в 1906 году отец Иоанн был определен в Симбирскую духовную семинарию в должности помощника инспектора.

Именно здесь, по воспоминаниям современников, он впервые начал юродствовать. И именно тут, в Симбирске, он решил стать монахом. И именно Симбирский архиепископ Иаков (Пятницкий) 18 апреля 1907 года, рукоположил отца Иоанна в иеродиаконы. А затем этот же архиепископ, спустя всего год служения постриг отца Иоанна в монашество. На следующий день в Жадовской Казанской пустыни он был посвящен в иеромонахи.

Но тут же, в Симбирске, начинается и долгая череда скитаний отца Иоанна по стране. Многие из тех, кто описывают его жизнь и судьбу, отмечают, что и это испытание он принял со смирением. Куда бы ни забрасывала его судьба, везде он оставался верен себе и Господу. Везде он пытался наладить должный порядок, будучи служителем церкви.

Долгий путь скитаний отца Иоанна продолжился в Усть-Сысольске, куда духовное начальство спустя полгода направило его на должность помощника смотрителя в местное Духовное училище.

Затем несколько лет он служил в Перми. В 1909 году его перевели на север – епархиальным миссионером в Олонецкую епархию, а через год отправили на границу с Финляндией – в Петрозаводск, ведать религиозно-нравственными чтениями для простых жителей.

К тому времени, по всей видимости, о его немалых способностях уже стало известно довольно широко. Поэтому в 1912 году его направляют в земли нынешней Белоруссии. Получив сан архимандрита, 8 сентября 1912 года он назначается заведующим в Могилевскую пастырскую школу. Затем снова долгая дорога на уже знакомый ему север, в Каргополь, где он застал Первую мировую войну. Потом Украина – с зимы 1916 года он служил там помощником начальника Житомирского училища пастырства.

Революция нагнала странствующего по российским землям священника в Тюмени. Перейдя на епархиальную службу, он исполнял должность настоятеля в Тюменском Троицком монастыре Тобольской епархии.

Оттуда в 1919 году отец Иоанн поначалу эвакуировался с отступающими колчаковскими войсками в Восточную Сибирь, но в последний момент он не последовал за ними, и остался в полыхающей огнем революции стране. Хотя по всему было видно – в ближайшие годы Церковь ожидают великие потрясения. Но он не смог оставить свою Родину, свою паству и свою Церковь.

В 1920-1921 годах он служит селах Пятницком и Усть-Тунгузском Енисейской епархии, июня 1921 года становится настоятелем Тобольского Знаменского монастыря.

22 января 1922 года Святейшим Патриархом Тихоном архимандрит Иоанн был определен епископом Берёзовским, викарием Тобольской епархии. Уже тогда случился первый его конфликт с советской властью. В 1922 году его привлекают к суду за «сокрытие ценностей». Но, как и во все последующий разы, отец Иоанн не поддался давлению властей. И в силу своей кристальной честности был оправдан. Хотя на дворе едва наступил НЭП, отклики военного коммунизма слышались повсюду. И первыми жертвами молодой советской власти чаще всего становились священнослужители.

Но самый большой его конфликт с властью был еще впереди. А пока осев в Тобольской губернии, отец Иоанн снова привлек внимание Святейшего Патриарха. Ныне канонизированный Русской Православной Церковью как святой, патриарх Тихон в 1923 году лично возглавляет хиротонию архимандрита Иоанна и ставит нового епископа управлять Тобольской епархией. Но, как и в прежние времена, совсем скоро его снимают с этой должности и переводят на новую. Уже в 1924 году он становится епископом Воткинским, в 1927 году – епископом Шацким, в 1929 году – епископом Уральским, а в 1930 году – епископом Курганским.

Многих удивлял тот факт, что за всю свою жизнь, и до революции и после, владыка Иоанн так часто менял места своей службы. Недоброжелатели, особенно в советское время, часто связывали это с неуживчивым характером отца Иоанна. Ему в вину ставилась его принципиальность: он не терпел лентяев и казнокрадов, которыми рано или поздно обрастало, к сожалению, и духовное ведомство.

Но, помимо того, что ни в одном месте службы владыка Иоанн никому не позволял воровать, могла у его скитаний быть и другая причина. Особенно явно она проявлялась в провинциальных губерниях. Там, где влияние священников на настроение местных жителей было очень сильно и истовых православных верующих не смогли вывести вплоть до самой войны с немцами.

Одной из хитрейших задумок Советской власти являлась тактика постоянного перевода священников с места на место – чтобы он нигде не успел обрасти паствой. С такой же проблемой в 30-ых годах столкнулся другой ульяновский священник – уже прославленный в лике священномучеников Александр Бряндинский, известный в миру как Александр Гневушев. Его служба в ту пору завершилась арестом и расстрелом. К счастью владыка Иоанн в то время его судьбу не повторил.

Будучи арестован во времена гонений на священников в 1931 году, он, как непримиримый борец с «обновленцами», не пошел на сотрудничество с властью. Можно сказать, что ему тогда «повезло». В то время как многих священнослужителей расстреливали практически без суда, владыку Иоанна приговорили всего к 5 годам лагерей, причем на правах «вольнохожденца» и в не самых холодных широтах страны. Совсем скоро его братьев по вере будут отправлять в Соловецкий лагерь

особого назначения. А его в 1932 году перевели сначала в Ташкент, а через год – в Бек-Буди (было такое местечко на юге Узбекистана).

Но и эти места подорвали здоровье архиепископа Иоанна. Он тяжело болеет сердцем, у него отказывает поясница, развивается неврастения и двусторонняя паховая грыжа. Поэтому уже через четыре года его выпускают из лагеря досрочно, по инвалидности и направляют жить у родни в Казани.

Однако не прошло и года, как на смену первой волне репрессий пришла новая. И все те, кто чудом остался жив после чисток первых сталинских пятилеток, снова попали в жернова НКВД. Причем, на этот раз не щадили никого, а приговоры были в разы суровее. Но и в этот раз Господь уберег владыку Иоанна от смерти.

По приговору «тройки» НКВД ТАССР 29 ноября 1937 года за все ту же «контрреволюционную агитацию» его приговорили к 10 годам заключения в Седьмом отделении Северного Ураллага НКВД.

Это было гиблое место. Как и все лагеря к северу от Урала. Но, даже постоянно подвергавшийся побоям, отец Иоанн не склонился перед советской властью и здесь. Будучи уже в Ульяновске, особо доверенным людям, своим прихожанам, он признавался, вспоминая время, проведенное в сталинских лагерях, что никогда не шел на компромиссы с лагерным начальством, а потому постоянно получал самый жесткий лагерный режим.

Его келейница позже вспоминала, как однажды привезла ему в лагерь хлеб. Она застала его сидящим на пеньке. У него были опущены голова и руки. Он без преувеличения умирал от голода.

Если бы ты сегодня не приехала, меня бы уже не увидела, сказал ей тогда владыка Иоанн.

Даже чувствуя приближение смерти, он не сделал ни малейшего шага навстречу своим заклятым врагам – богоборцам. Эти принципы, упорность, веру и небывалую стойкость он пронес сквозь всю свою жизнь.

Его спасла директива НКВД, выпущенная в рамках послаблений, которые дали Православной церкви во время войны. По собственным

словам владыка Иоанна, он сидел в лагере до 9 февраля 1943 г., когда (в порядке директивы НКВД наркомата юстиции и Прокурора СССР от 23 октября 1942 г. за № 467) был освобожден досрочно».

Не раз обращаясь во время Великой Отечественной войны к помощи Православной Церкви, советская власть отдала ей должное. Когда Красная армия начала одерживать победы, на освобожденных территориях начали восстанавливать церкви и храмы. Легче стало жить и в тылу.

Все те священники, которые каким-то невероятным образом смогли пережить несколько кровавых чисток 30-ых годов, а также весь период сталинского богоборчества, наконец-то получили возможность снова служить Господу, не опасаясь за свою жизнь. Изменилась жизнь и у владыки Иоанна. После войны его даже наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

Месяц пролечившись в Казани, уже в апреле 1943 года владыка Иоанн обратился к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой о назначении на службу.

В результате, 21 июня 1943 года он был определен правящим архиереем Сарапульской епархии. 19 ноября того же года он был переведен на Ижевскую кафедру с изменением титула – архиепископ Ижевский и Удмуртский. За два года он развел в своей вотчине довольно активную деятельность. Его стараниями в епархии к 1945 году действовали два десятка храмов.

В феврале победного 1945 года его направили в Башкирию. 14 февраля он стал архиепископом Уфимским и Башкирским. В это время владыке Иоанну было поручено разработать типовой устав мужских и женских монастырей и представить его в Священный Синод. И уже 16 апреля проект устава был представлен, рассмотрен и принят к руководству. Однако не всегда и не во всем дела у архипастыря шли гладко. Стала проявляться его неуживчивость, благодаря которой он быстро нажил себе на новом месте много врагов. Строгость в исполнении церковного устава, малообщительность и резкость владыки Иоанна стали причиной конфликта с некоторыми верующими епархии.

И 18 ноября 1948 года его решают отправить подальше от его конфликтных прихожан. Он был уволен на покой с назначением

местожительства в Жировицком монастыре Минской епархии. Однако Господу было угодно продолжить путь его служения.

Спустя пять лет 27 января 1953 года, памятуя, что когда-то он уже служил здесь семинарским инспектором, он был назначен временно управляющим Ульяновской епархией, а 4 июня этого же года утвержден архиепископом Ульяновским и Мелекесским.

Как следует из слов Джонатана Свифта, «в мире нет ничего более постоянного, чем временное». Подтверждая правоту этой мысли, владыка Иоанн отныне и навеки связал своё имя с городом Ульяновском.

Однако служба здесь тоже стала для него большим испытанием. Спустя всего несколько месяцев умирает Сталин, а вскоре к власти приходит Хрущев. Начинается новый виток богоборчества в России. Владыке уже за семьдесят, но он продолжает упорно восстанавливать порядок на вверенной ему территории.

Первым делом он лично переписал всех священнослужителей своей новой епархии. Всех вместе оказалось 48 человек в 19 храмах. Со всеми он при возможности говорит лично – сам он уже стар и не может служить во всех храмах области. Но в то же время как архиепископ он обязан быть в курсе всего.

Секретарем архиепископа Иоанна в его бытность в храме по ул. Водников, был тогда Борис Крыжин, ставший затем настоятелем храма Воскресения Христова на старом кладбище. Как отмечает исследователь жизни владыки Иоанна Владимир Иванович Мельник, с юных лет отец Борис возрастал в церкви на Водников. Был пономарем, иподиаконом, псаломщиком. Вот что он рассказывал о почитаемом архиепископе: «Мне как келейнику и личному секретарю архиепископа Иоанна приходилось с ним много ездить по епархии. Служить нам не дозволялось по закону ни в одном приходе. Мы только навещали приходы. Приедем, навестим, справимся о состоянии дел в приходе и уедем. Владыка был очень строг и требователен к выполнению церковного устава. Он был необычайно строгий постник. Мясо никогда не вкушал. Был необычайно скромен, не любил никакой роскоши. Вел жизнь поистине праведническую. Очень почитал житие и труды святого Иоанна Лествичника, читал его творения с амвона (особенно в посты) в соборе. О своих «отсидках» в лагерях никогда не говорил, уклоняясь от назойливых вопросов. Служил он в основном в Соборе и в храме Неопалимой Купины,

иногда в храме Воскресения Христова. Мне он подарил Библию, Евангелие, даже посуду – такой был добрый».

Однако нападки на вотчину архиепископа Иоанна не прекращались. Личным врагом владыки в этом деле стал уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совмине СССР по Ульяновской области Михаил Кошман, несколько раз фабриковавший против архиерея откровенно лживые доносы, в которых его обвиняли то в растрате епархиальных денег, то в клевете на патриарха Тихона, то в подрыве устоев православия.

Однажды эти жалобы в руки митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. Он затребовал объяснений от Ульяновского архиепископа. В ходе разбирательства оказалось, что все люди, чьими именами были подписаны жалобы, были не в курсе того, что на их показаниях строилось обвинение против владыки.

Но Кошман не успокаивался. Он продолжал терроризировать владыку Иоанна. Уполномоченный писал на архиепископа жалобы во все инстанции, его травили непомерными налогами на все, даже на личные подарки и заставляли платить за епархиальную квартиру, в которой он не жил, авансом на год вперед. В конце концов, ему удалось добиться своего. Епископ был снят с регистрации и 21 мая 1959 года уволен на покой. Владыка Иоанн стал простым прихожанином в своем кафедральном соборе. Ему было разрешено ходить только в гражданской одежде – впрочем, владыка и сам нечасто носил положенные по сану одеяния.

11 июня того же года было закрыто Епархиальное управление, располагавшееся в церкви Казанской иконы Божией Матери на ул. Водников (ныне: ул.Корюкина). Это означало фактическую ликвидацию Ульяновской епархии, переданной под управление Куйбышевского архиерея. В этот момент начался последний этап жизни владыки Иоанна.

Предвидя в последние месяцы закрытие своей церкви на улице Водников, отец Иоанн переехал из пристройки к церкви, где жил раньше, в маленький домик в Собачьем переулке. Жил он одиноко. Прежние знакомцы посещали его редко – боялись показаться рядом с опальным архиереем. Мучимый жаждой говорить, владыка Иоанн часто заходил в гости к своему соседу – партийному функционеру. Тот, не в силах подавить в себе богобоязненный трепет, выслушивал все, что говорил

ему владыка. Но затем все равно шел и писал на него доносы. Владыке Иоанну сообщали об этом, но его это не останавливало.

Все чаще он начинал юродствовать. Нередко блажил. В последние годы он был очень дружен с местным блаженным – Василием Жирововым. Одеяние епископа он не примерял больше никогда. В очередях за молоком и хлебом нередко выстаивал часами, как и все простые жители города.

И, хотя практически все люди были готовы уступить место престарелому владыке, он стойко держался и ни разу не воспользовался своим положением. Даже будучи на службах он, выходя из храма, благословлял людей с паперти с закрытыми глазами, чтобы не видеть народного почитания.

Современники вспоминали, что его знал весь город. Необычайно молчаливый, печальный и немного странный – после кончины игуменьи Екатерины он ходил по городу в женских вещах. Многие не понимали, зачем он это делал. И лишь хорошо знавшие его люди понимали, что когда игуменья умерла, владыка, в уподобление подвига святой блаженной Ксении Петербургской, стал носить одежду матушки Екатерины.

Вспоминают, что владыка был чрезвычайно нищелюбив. Он старался всегда хоть что-нибудь да подать нищим, и всегда был окружен ими. Сам он вел поистине праведную жизнь. Строгий аскет, он до последнего своего часа старался проводить жизнь на ногах, хотя ближе к кончине своей имел большие проблемы со здоровьем. Хотя современники вспоминали, что порой, охваченный божественным порывом, он мог вскочить со своего места с совсем несвойственной ему юношеской прытью.

Мне нужно сказать народу! – говорил он при этом.

Рассказывали, что владыка был прозорлив. Однажды в Петров пост одна из прихожанок сильно заболела и вынуждена была идти на операцию. Она пришла к архиепископу Иоанну за благословением, и он её благословил, сказав, что операция пройдет успешно. В самом деле, операцию сделали безболезненно и на удивление быстро – всего за 11 минут.

Когда владыка уже умирал и лежал, прикованный к постели. Одна из прихожанок, почувствовав себя плохо, отпросилась пораньше с работы. Её путь пролегал с фабрики КИМа (ныне фабрика «Элегант») и шел мимо дома владыки. Она прошла, не заглянув к нему. Он же, хотя и не мог её видеть в окно, тотчас сказал: «И что это она прошла мимо, почему не заглянула?» Он повторял это несколько дней, пока эта прихожанка не пришла к нему. При этом он сказал: «Ты же душу мою держишь». Удивительно, но практически сразу после её ухода владыка умер.

Также в народе был известен случай, когда владыка молитвой укротил бурю на Волге. А все местные рыбаки прекрасно знают, как опасен может быть шторм на реке. Ему с клиром и некоторыми прихожанами необходимо было перебраться за Волгу – на противоположный берег. В то время туда ходил паром. Но в это время началась буря, и все небо стало совсем темным. На реку страшно было даже смотреть. Прихожане просили владыку переждать бурю, но тот ответил:

Престол ждет! – а потом помолчал немного и добавил – Помолимся, отцы!

И крестом благословил бушевавшую реку. После краткой молитвы Волга утихла, и архиепископ с клиром переправились на пароме на другой берег.

За несколько дней до смерти отца Иоанна, когда кончина его стала неотвратимой, его келейницы говорили, что необходимо позвать священника, чтобы приобщить его святых таинств. На это архиепископ ответил: «Не надо звать, сами придут».

В последующие два дня келейницы все более настойчиво предлагали позвать священника со Святыми Дарами. Но ответ отца Иоанна был прежним.

И в самом деле, в понедельник пришел священник, которого никто не приглашал. Он и приобщил владыку Иоанна Святых Христовых Тайн.

Скончался отец Иоанн 27 февраля 1968 года в Ульяновске, в своём доме в Собачьем переулке. Ему было 85 лет. Отпевание его было

совершено епископом Сызранским Иоанном (Снычёвым) в Неопалимовском храме. Похоронили его в Ульяновске на городском кладбище Воскресенского храма, на улице Карла Маркса.

Рассказывали, что однажды отца Иоанна увидели у колонки с водой. Стоя у нее, он кричал и плакал:

Хотя бы сорок раз в день говорите каждый: «Господи, помилуй!». Ведь мы погибаем. Город должен провалиться. Какая будет беда, какой ужас и страх. Куда пойдем?

И действительно. Куда мы пойдем, если снова забудем Бога и отпадём от Православной Церкви?

Материал подготовлен при поддержке Международного грантового конкурса Православная инициатива 2015-2016» (проект: «Двенадцать православных подвижников Симбирского края»).
Авторы: **Д. В. Макаров**, **А.В. Казюханов**.
Источник: Симбирский центр православной культуры